

Екатерина Сергеевна Полозова.

Это была моя дорогая подруга с которой мы встретились, познакомились и подружились в Новосибирске в самое тяжёлое для меня время.

Катя родилась в 1922 году в Проскурове (ныне Хмельницкий). Её отец был в городе известным врачом, а до революции очень состоятельным человеком. Имел просторный дом в котором помещалась вся его многочисленная семья. Катя была последней пятой дочкой в семье, имевшей семерых детей.

Во время гражданской войны Проскуров бессчётное число раз переходил из рук в руки. Были тут красные, белые, зелёные, гайдамаки, петлюровцы и махновцы. Некоторые сражались под лозунгом «Бей жидов, спасай Россию». Проскуров находился за чертой оседлости и значительную часть населения в нём составляли именно евреи. Пациенты доктора, вместе с семьями рыдая прибегали к доктору за спасением и он никому не отказывал, требуя только чтобы в его подвале они сидели тихо. В большом доме победившая группа обычно располагалась на постой. Разные люди вели себя по-разному. Одни отбирали от хозяев матрасы, лишая детей возможности нормально спать, и братья поспешно выбрасывали в окно что могли, чтоб спасти для себя хоть часть. А красные, например, растащили столовые ложки. Хозяйка дома явилась к ним и сказала: «Ребята, детям нечем есть! Отдайте пропажу!», и они покорно вытащили из голенищ ложки и вернули хозяйке. Полозов спас жизни многим евреям, рискуя собой и своей семьёй. Много десятилетий спустя одна из его дочерей – Елизавета, проезжая на поезде по восточной Сибири случайно назвала свою девичью фамилию.

- А Сергей Полозов Вам неизвестен?
- Это мой отец, сказала Елизавета.
- О, благодарю, благодарю Вас и Вашего отца, воскликнула еврейка. Мы за него и за всех Вас постоянно молимся.

Женой доктора была Валентина Сергеевна, урождённая Нахимова. Она была племянницей прославленного адмирала. Такое родство в советское время конечно не было удобным и в то время, когда в Севастополе уничтожали памятник её дяде, она немножко поскоблила фамилию в паспорте, превратившись в Налимову. Но семью Полозовых такие беды не затронули.

Катя – красивая, умная и жизнерадостная девочка неожиданно заболела костным туберкулёзом и из-за этого много лет провела в больницах. С двенадцати лет её левая нога перестала расти. В первый раз в школу она пошла в седьмой класс. В то время это был последний класс неполной средней школы, и после его окончания тотчас поступила в сельскохозяйственный техникум.

Когда началась Великая Отечественная Война с потоком беженцев, на костылях Катя через Кавказ двинулась на восток. После многих приключений в 1943 году она оказалась в Новосибирске, где поступила на отделение селекции Новосибирского Сельскохозяйственного Института. Как мы с ней встретились в Новосибирске, как она выручила меня в самое тяжёлое время, как познакомила с артисткой ТЮЗа Елизаветой эвакуированной с Ленинградским ТЮЗ-ом в Новосибирский театр «Красный Факел» я уже говорила раньше ([О моей самостоятельной жизни](#)). Елизаветин муж Коковкин тоже был актёром и у них был сын Сергей.

С Катей вместе мы проучились год, и об этом времени у меня осталось много хороших воспоминаний. Через год она перевелась в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и уехала в Москву. Мы постоянно переписывались.

В 1945 году я, в свою очередь, оставила Новосибирск и уехала в ЛСХИ в Ленинград. Катя нередко приезжала из Москвы. Все её сёстры давно связали свою судьбу с Ленинградом. Там они учились, вышли замуж и все, кроме старшей имели детей. Вся большущая семья жила на пятой линии Васильевского острова, занимая квартиру на втором этаже трёхэтажного деревянного дома.

Я помню как все они сидели за необъятным столом самой большой комнаты под большущим самодельным абажуром. Главной конечно была мать – Валентина Сергеевна. Она же бабушка внучат и давно уже вдова. Это была маленькая, очень энергичная и деятельная женщина, которая одна занимала малюсенькую комнатущечку в этой квартире. Тут помещались многие семьи и им было о чём поговорить. Старшая сестра – Татьяна была военным врачом, прошла войну, плен, бегство из него. Вскоре, как ветеран, она получила отдельную квартиру.

Вторая дочь – Наталья была офтальмологом. В войну она заведовала отделением глазной клиники на Моховой. Ранения глаз всегда происходили одновременно с ранением лица, и многие молодые парни, оказавшись сильно изуродованными очень об этом горевали.

Наталья Сергеевна добилась создания на Моховой отделения лицевой хирургии, где пациентам по возможности старались исправить внешность.

Семья актёров жила отдельно, на Петроградской стороне. К тому времени у них, кроме Сергея была ещё и дочка. У Марьяны с мужем Алексеем Вейнартом было двое сыновей. К несчастью старший из них заболел гломерулонефритом. Эта неизлечимая болезнь требовала постоянной строгой диеты и вообще особенного режима. Поэтому Марьяна нигде не работала, стараясь сохранить жизнь сына, и преуспела в этом. Мальчик школу не посещал, сдавая экзамены за все классы экстерном. Потом он окончил институт и жив до сих пор.

За огромным столом пили чай, играли во всякие игры и вспоминали о прошлом. Например о первой страшной блокадной зиме, во время которой дети оказались все вместе под присмотром дяди Абраши, который работал в каком-то детском учреждении и вечерами мог быть дома, в то время как все прочие родители, особенно врачи, находились на казарменном положении. Каким-то образом он был знаком с учреждением в котором для какой-то надобности

держали собак, а потом их отдавали ему. Таким образом они вместе с детьми съели семь псов. Летом 1942 года вся орава детей через Ладогу эвакуировалась на Урал, в Сарану, где они и пробыли до конца войны. Теперь, некоторые из них были уже студентами.

Муж Марьяны – Алексей был геологом и по его стопам пошёл его младший сын, тоже Алексей и дочь Натальи – Настя. Они учились в ЛГУ. Там же учился Дима Воронов, с которым впоследствии они с Настей поженились. Тем временем Катя окончила Тимирязевскую Академию и ей предложили поехать в Крым, в Никитский ботанический сад. Но это показалось ей слишком просто и неинтересно. Она взяла назначение в Уссурийский край. На тамошнюю опытную станцию в Приморской тайге. Там, в качестве старшего научного сотрудника она, наравне с прочими, участвовала в экспедициях. Поскольку она от прочих не отставала, её инвалидом никто не считал. Когда какие-нибудь приезжие удивлялись, как это инвалид участвует в экспедициях по тайге, сотрудники удивлялись: «Какой инвалид? Ах Полозова. Ну да».

В Ленинграде Настя вышла замуж за Диму Воронина. Он был весёлый человек и большой выдумщик. В это время стало модным называть новорожденных именами приезжих знаменитостей. Во множестве появились Джавахарлалы и т.п. Знаменитостям сообщали о своём поступке. Уж не знаю дарил ли Джавахарлал Неру сообщившим ему об этом событии родителям слонов, но Дима, явившись к Насте в роддом, сообщил что назвал их новорождённую дочку Симоной, поскольку Симона Синьёрэ, вместе с мужем Ив Монтаном собирались в ближайшем будущем посетить Ленинград. Мало того, он сообщил о своём поступке французам и в ответ получил от Симоны Синьёрэ телеграмму в которой она сообщала о своём намерении посетить семью, удостоившую её такой чести. Завязалась оживлённая переписка. Дело дошло до жилконторы, которая совершенно неожиданно, по собственному почину отремонтировала лестницу трёхэтажного дома аж до второго этажа.

Настя, которая очень сердилась, почти смирилась с неприятным казусом, как вдруг кто-то из знавших французский язык заметил, что Симона Синьёрэ делает ошибку в написании собственного имени.

Обман раскрылся. Все письма и телеграммы оказались игрой, девочка в действительности оказалась названа Еленой. Но все эти переживания оказались настолько яркими, что и по сей день Елену близкие по-прежнему зовут Симой.

Катя по-прежнему находилась в Уссурийске. Замужем она не была и врачи строго запрещали ей, при её кривом позвоночнике, иметь детей. И конечно она, всегда нарушавшая все запреты, родила дочку Таню, которая оказалась на пару лет моложе Симы. Катя по-прежнему при возможности посещала Ленинград и наоборот, близкие ездили к ней в Уссурийск. Там было на что посмотреть. И в тайге, и в самом Уссурийске, где порой по улицам может проходить тигр. Дружная семья Полозовых постепенно разъехалась по разным квартирам. Семья Вейхеров получила квартиру в совершенно неудобном строении, когда-то бывшим электростанцией, из которой сделали жилую квартиру. Наталья Сергеевна купила отдельную квартиру на Васильевском. Настя с мужем и детьми (теперь у неё был уже и сын Митя) получила квартиру на севере города. Но несмотря на отдалённость, люди оставались близкими, и объединяющим центром всегда оставалась Настя. Где бы она не жила, сборы обыкновенно происходили у неё. И

она, и её муж Дима сумели защитить кандидатские диссертации, участвовали в экспедициях и вырастили хороших детей.

Как-то они купили дом в Щитниково. Это была одна из вымирающих деревень, где-то посередине между Москвой и Ленинградом. Конечно там была великолепная природа, но добираться туда было очень трудно. Я бывала у них на этой даче. Собственно это был большой бревенчатый деревянный дом на два сруба. Жить в нём было очень хорошо, но очень трудно добираться.

...

<http://шелагина.рф>